

Застосування міжнародного гуманітарного права до внутрішніх збройних конфліктів: філософсько-правові аспекти

Применение международного гуманитарного права к внутренним вооруженным конфликтам: философско-правовые аспекты

Доди Корина

кандидат юридических наук, доцент кафедри державно-правових дисциплін, Університет економіки і права «КРОК»

В статье исследованы вопросы запрета в международном праве применения силы или ее угрозы в межгосударственных отношениях, а также защиты человека от бедствий военного времени, в том числе различными правовыми средствами.

Ключевые слова: международное право, международное гуманитарное право, немеждународный вооруженный конфликт, Древняя Греция, Древняя Индия, Гроций, Ваттель, МККК.

У статті досліджено питання заборони в міжнародному праві застосування сили або її загрози в міждержавних відносинах, а також захисту людини від лих воєнного часу, у тому числі різними правовими засобами.

Ключові слова: міжнародне право, міжнародне гуманітарне право, неміжнародний збройний конфлікт, Древня Греція, Древня Індія, Середні віка, Гроцій, Ваттель, МКЧХ.

The article is dedicated to researching the issues concerning the prohibition in international law of the use of force or its threat in international relations, as well as protect people from the disaster of war, including a variety of legal means.

Keywords: international law, international humanitarian law, non-international armed conflicts, Ancient Greece, Ancient India, Grotius, Vattel, ICRC.

Постановка проблеми

Філософія захисту людини від стихій ненависті і неограниченого насильства в час війни і озброєних конфліктів складна і суперечлива, оскільки намагається дати відповідь на кардинальні гуманітарні, світоглядні питання, які нині стоять перед людством і не могли знайти розумне рішення протягом багатьох століть [1, с. 6].

Міжнародне право забороняє застосування сили або загрози її застосування в міждержавних відносинах. Однак реальність сучасного міжнародного життя така, що постійно в світі відбуваються озброєні конфлікти. Міжду-

народне право не могло бути в стороні від того, щоб не гуманізувати правила ведення озброєних конфліктів. Тому воно містить комплекс принципів і норм, направлених на регулювання поведінки держав і інших суб'єктів міжнародного права в період озброєних конфліктів з метою гуманізації даних правил і швидкого припинення конфлікту. Цей комплекс принципів і норм міжнародного права складає його окрему галузь – міжнародне гуманітарне право, або право озброєних конфліктів [2, с. 671].

Право озброєних конфліктів можна визначити як сукупність міждуна-

родно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения государств и других субъектов международного права в период ведения военных действий, запрещающих или ограничивающих средства ведения войны, предусматривающих гуманизацию ее методов в целях защиты жертв вооруженных конфликтов [3, с. 518]. Международное гуманитарное право применяется в период вооруженных конфликтов, которые подразделяются на два вида: вооруженные конфликты международного характера и вооруженные конфликты немеждународного характера.

Анализ последних исследований и публикаций

На сегодняшний день в юридической литературе Украины исследование вопроса о применении международного гуманитарного права к внутренним вооруженным конфликтам через призму философско-правовых учений практически не было проведено. Отдельные аспекты этой проблемы стали предметом исследований ученых и юристов-международников: В.Н. Денисова, С.В. Исаковича, М. Баймуратова, В.Н. Репецкого, Н.Н. Гнатовского, В.И. Дяченка, М.В. Цюрюпы, П.В. Шумкого, В.С. Бигуна.

Не решенным ранее составляющим общей проблемы является вопрос о сущности международного гуманитарного права как целостной философско-правовой концепции регулирования современных проявлений вооруженного насилия.

Формулирование целей статьи

Целью статьи является осуществление исторического, философского и юридического анализа норм права войны, в части регламентирующих вопросы внутренних конфликтов.

Изложение основного материала исследования

Гуманные деяния некоторых правителей и народов тем более замечательны, что были редки. С ростом городов, формированием наций и развитием международных связей, около 2000 г. д.н.э. возникли первые законы того права, которое впо-

следствии было названо международным [4, с. 15].

Идея защиты человека от бедствий военного времени, в том числе правовыми средствами, не нова. Зародившись на заре человечества, она постепенно набирала силу. Это убедительно подтверждает процесс развития гуманитарной мысли на протяжении веков. Гносеологические корни гуманитарного права находят отражение уже в культурах Древней Греции, Египте, Риме, прогресс его продолжается и сейчас [5, с. 6].

На всем протяжении истории существования международного гуманитарного права на его развитие оказывали влияние религиозные концепции и философские идеи. Уже в Ветхом Завете существовали отдельные примеры ограничений, наложенных Богом. Так, мы читаем во Второзаконии, например, что атакуя языческие племена среди обитателей Ханаана (Земли обетованной), израильтянам было запрещено уничтожать фруктовые деревья на захваченных территориях; в то же время урожай этих садов им было разрешено потреблять.

Священные писания Древней Индии учреждали некоторые меры гуманности. Махабхарата, как и Законы Ману, устанавливали, что «король никогда не должен причинять такой вред неприятелю, который будет терзать сердце последнего», и дальше предписывали, что не следует нападать на спящего врага. Более того, они запрещали убийство тех, кто страдал любой врожденной (физической или умственной) неспособностью, и «не является сыном рода Вишну тот, кто убивает женщину, мальчика или старого человека» [6, с. 20].

По законам Ману вводились ограничения на использование определенных видов оружия: «Во время битвы не следует поражать врага вероломным оружием – ни зубчатым, ни отравленным, ни раскаленным на огне» [7, с. 415].

Еще в «Илиаде» Гомер описывал войну, которая в целом велась по правилам честной игры, войну с перемириями, войну, в которой с уважением относились к мертвому врагу. Александр Великий гуманно

относился к побежденным, пощадил семью Дария и не позволял оскорблять достоинство женщин [4, с. 17].

По словам Гомера, древние греки рассматривали использование отравляющего оружия в качестве анафемы богам [6, с. 21]. Они щадили храмы, посольства, служителей культа и дипломатических представителей противоположной стороны и обменивались военнопленными [8, с. 16].

Ислам также признавал важнейшие требования гуманности. Отдавая распоряжения своим военачальникам, первый халиф Абу Бакр (около 632 г.) оговорил в качестве особого условия следующее: «Кровь женщин, детей и стариков пусть не запятнает вашу победу. Не уничтожайте пальмовое дерево, не сжигайте дома и поля с зерном и не рубите никакого плодоносного дерева. Вы не должны уничтожать ни одной стаи или стада, поберегите их для вашего пропитания» [8, с. 17].

В Древнем Израиле войны разделялись на священные (приписанные богом и освященные им) и гражданские. Первые, как правило, проводились с целью расширения границ, удержания баланса сил путем распространения иудейской религии и подчинялись действию религиозных норм; вторые были обыкновенными завоевательными или оборонительными войнами и регулировались нормами права войны, а не оправдывались религиозной целью. Попытки регламентации правил ведения войны в древней Индии привели к определению основных причин, достаточных для ее начала: 1) отказ в выдаче; 2) религиозные конфликты; 3) преступные действия против дипломатических представителей. Кроме того, правомерными для древних индусов могли быть войны, проводимые с целью: 1) обеспечения власти; 2) самосохранения государства; 3) достижения баланса сил; 4) предотвращения тирании правителя над его народом [7, с. 406]. Очевидно, последнее основание было попыткой определить право народа на восстание против власти, которая его угнетала.

В начале V века святой Августин разработал теорию «справедливой войны», которая впоследствии была подхвачена

святым Фомой Аквинским. Как утверждал святой Августин, справедливая война есть борьба между грехом и справедливостью, и любая победа, даже одержанная грешниками, есть унижение для побежденных, которые по Божьему приговору несут наказание за свои прегрешения. Позднее Фома Гаэтанский, великий магистр ордена доминиканцев, писал: «За ущерб, причиненный не только воинам, но и другим жителям, государство, против которого идет справедливая война, не должно чувствовать себя виновным... Незачем делить жителей на виновных и невиновных, поскольку все государство враждебно и, в силу этого, проклято и разорено» [4, с. 23].

В Средние века власть церкви была настолько сильной, что она могла запретить рыцарям-христианам использовать определенное оружие как противное Богу. Поэтому в 1139 г. Второй лютеранский собор осудил применение арбалетов и дуг; эта точка зрения совпадала с концепцией рыцарства, которое считало такие виды оружия позорными, поскольку они могли применяться на расстоянии, давая, таким образом, человеку возможность нанести удар без угрозы для себя быть атакованным. В сущности, рыцари-феодалы были осведомлены о так называемом «праве рыцарства» – кодексе рыцарского поведения, который регулировал их деятельность и проводился в жизнь специально назначенными арбитрами или Рыцарскими судами (в случае Англии и Франции) [6, с. 22].

В Средние века общее право проводило различие между внутренними и международными войнами через понятие лояльности. Война между армией суверена и иностранными армиями, которые не имели вассальной зависимости от этого короля, была «международной», а конфликт между сувереном и подданными, которые имели такую зависимость, был внутренним конфликтом. Восстание против суверена рассматривалось как разрушающее королевство изнутри и приравнивалось к государственной измене [9, с. 34].

В догроицевую эпоху существования международного права право военных действий, рассматриваемое как часть jus

gentium, действовало во всей Священной Римской империи. Отсутствие общества, основанного на существовании суверенных, независимых, территориальных государств, предотвращало всякую юридическую дихотомию между международным и внутренним вооруженным конфликтом в нашем современном понимании этих терминов. В Средние века существовали «открытые и публичные» войны, к которым применялось право войны, с явным различием между правовым положением принца или правителя, ведущего «справедливую войну» и его противника, который по необходимости мог вести только «несправедливую войну». Существовали также «частные войны», которые вообще были не войнами, а частными набегами и рейдами, бичом эпохи, где было много безземельных членов общества, обученных никакой другой профессии, кроме военной. Такие «частные войны» были преданы церковной анафеме.

В связи с распадом средневековой системы в XVI в. должна была быть изобретена система права и дано теоретическое основание для упорядочения поведения новых суверенных, независимых, территориальных государств в отношениях друг с другом как часть схемы устройства, требуемого естественным правом. Гроций, его непосредственные предшественники и последователи снабдили новое международное сообщество государств такой системой – правом наций [10, с. 255-256].

В XVII в. Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» анализирует вопрос о сопротивлении власти. Цитируя Тацита, он представляет мысль о том, что «боги предоставили верховную правительственную власть государям, подданным же остается честь повиновения». А Платон в диалоге «Законы» (книга IV) указывал на то, что общие дела связывают государства, а частные интересы разрушают их. Отсюда следует, что для государства и для частных лиц важнее заботиться об общем, а не о частном благе.

У Ксенофонта читаем: «Кто на войне восстает против вождя, поступает так в ущерб своему благополучию». Дион Кас-

сий рассуждал: «Я не нахожу приличным, чтобы правитель уступал подданным государства, и не может быть надежды на безопасность, если те, кто предназначен повиноваться, пожелают повелевать. Подумайте только, во что обратится семейный строй, если младшие станут презирать старших; во что обратятся школы, если учителя станут предметом насмешек учеников; что станет с безопасностью мореплавателей, если рядовые матросы ослушаются команды капитана. Оттого по природе необходим и благодетелен для людей порядок, когда одни повелевают, а другие повинуются». По еврейскому закону подлежит осуждению на смерть тот, кто окажет неповиновение как верховному первосвященнику, так и тому, кого Бог в чрезвычайном порядке изберет правителем народа [11, с. 159-162].

В главе XIX третьей книги Гроций отмечает, что у подданных отсутствует право действовать насильственным образом даже в том случае, когда у них имеется к этому справедливое основание. Иногда несправедливость их действия и преступность их сопротивления заслуживают тяжкого наказания. Тем не менее, если с ними обращаются как с дезертирами или как с восставшими, то, согласно сказанному только что, наказание не может быть противопоставлено данному обещанию [11, с. 764].

Несмотря на такую жесткую позицию в отношении к восставшим, Гроций призывает к умеренности в актах войны, говорит, что заложников и пленных предавать смерти следует только тогда, когда они совершили преступления, что неприятельское имущество не должно уничтожаться, если того не требует настоятельная военная необходимость [12, с. 33].

В эпоху после Гроция право войны главным образом касалось поведения воюющих в межгосударственных конфликтах. Внутреннее вооруженное восстание не имело отношения к международному праву; также обстояли дела и с нарушениями последнего во время внутренних мятежей. Естественным следствием было то, что суверенитет государств, уходящий корнями в международное право, дал возможность

правительствам государств подавлять такие восстания способом, определенным местным муниципальным правом [10, с. 256].

Будет логично вспомнить о вкладе в развитие философского учения о войне великого мыслителя Ж.-Ж. Руссо, который написал в своем трактате «Об общественном договоре»: «Война – это не отношения между людьми, но между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как солдаты; не как жители своей страны, а как ее защитники... Если цель войны – уничтожение враждебного государства, то другая сторона имеет право истреблять ее защитников, пока они держат в руках оружие, но как только они бросают его и сдаются – они перестают быть врагами или инструментом в руках врагов и вновь становятся просто людьми, чьи жизни не позволено никому отнимать» [4, с. 31-32]. Руссо формулирует основной принцип, на котором строится международное гуманитарное право, а именно: целью военного выступления никогда не должно быть физическое уничтожение противника [13, с. 14].

Монтескье отмечал, что международное право основывается на принципе, заключающемся в том, что в периоды мира государства должны творить как можно больше добра, а в период войны – как можно меньше зла [14, с. 449].

Лишь в XVIII в. появилась идея руководствоваться законом даже в борьбе с теми, кто поднялся против правителей. Эммер де Ваттель первым сформулировал это предложение в своей работе «Право народов или принципы естественного права, применимые к поведению и делам нации и суверенов». Он отмечал, что все эти буйства и насилия нарушают общественный порядок и являются государственными преступлениями, даже когда они вызваны справедливыми поводами для жалоб, ибо насильственные действия запрещены в гражданском обществе; те, кто от чего-либо пострадал, должны обращаться к судьям, и если им не будет оказано правосудия, они могут приносить

свои жалобы к подножию престола. Только отказ в правосудии со стороны суверена или умышленные затяжки могут извинить вспышку гнева доведенного до крайности народа, даже оправдать эту вспышку, если тяготы были невыносимы, притеснения велики и очевидны.

Если суверен должен карать тех, кто без нужды нарушает общественный мир, то он должен проявлять милосердие к несчастным, у которых есть справедливый повод для жалоб и которые виновны только в том, что прибегли к самоуправству, чтобы добиться справедливости [15, с. 592].

Также Ваттель отмечает, что если в обществе появляются две партии, которые жаждут власти, и вспыхивает гражданская война, то общие законы войны должны соблюдаться обеими сторонами. Те же причины, которые делают эти правила обязательными в отношениях между государствами, делают их также и даже более необходимыми в случае, когда две опустошающие партии раздирают их общую родину. Если суверен сочтет себя вправе вешать пленных как мятежников, противная партия применит репрессалии, если он выжигает и опустошает страну, они поступят так же, и война станет жестокой, ужасной и все более и более пагубной для нации. Во всех случаях, когда многочисленная партия считает себя вправе сопротивляться суверену и когда ей приходится прибегнуть к оружию, война должна вестись между ними так же, как между двумя нациями: они должны применять одинаковые средства для предупреждения преступлений и восстановления мира [15, с. 595-596].

Правовой статус воюющих сторон в гражданских войнах в XIX в. был сформулирован Йоханом Блунчли. Он указывал, что вооруженная группа, которая не уполномочена применять силу существующим государством, будет, тем не менее, рассматриваться в качестве воюющей стороны в той степени, в какой она организована как независимая воюющая сила и борется не на стороне государства, но вместо этого в духе доброй воли за публичное право.

Повсеместное изменение международ-

ной правовой доктрины в конце XIX в. от идеи естественного права к формам строгого правового позитивизма было причиной того, что правовая доктрина стала недоступной для оправдания гуманности подобно главному аргументу, использованному Блюнчли. В 1868 г. он констатировал, что интересы гуманности требуют, чтобы в случае сомнения со стороны, которая преследует государственные цели и которая организована как государственная власть, должны обращаться больше как с воюющей стороной, нежели как с группировкой уголовников. Такая сторона имеет естественное право на то, чтобы к ней относились как к армии государства в тот момент, когда она достаточно сильна для того, чтобы удержаться в качестве общественной власти, аналогичной государственным властям, гарантируя порядок через свою военную организацию и демонстрируя свои стремления к государственности через свои политические цели [16, с. 198-199].

К началу XIX в. отчетливое теоретическое различие, которое традиционно проводилось между двумя типами конфликта, не обязательно придерживалось на практике, а правовой статус немеждународного вооруженного конфликта мог быть существенно изменен путем задействия доктрины признания воюющих сторон [17, с. 338].

В XIX в. была сделана первая попытка кодификации права войны, и как ни странно, эта попытка была предпринята в условиях внутреннего конфликта. Фрэнсис Либер посвятил 1860-1863 гг. разработке «Инструкции для командующих армий Соединенных Штатов на поле боя», которая не утратила свою важность и по сегодняшний день. Данный проект был доработан Военной комиссией и в 1863 г. утвержден Президентом Линкольном в виде «Инструкций полевым войскам США», обнародованных в форме Общего приказа № 100. Он представлял первую попытку кодификации законов и обычаев войны, охватывал широкий диапазон вопросов: от обращения с военнопленными, принципа военной необходимости, защиты граждан-

ского населения и его собственности до запрещения изнасилований или использования отравляющих веществ в современных военных действиях [9, с. 36].

Гуманизация вооруженных конфликтов значительно ускорилась в XIX в. с появлением общественных организаций, которые развернули свою деятельность во многих странах [14, с. 450]. Одной из таких организаций являлся Международный комитет помощи раненым (сегодня Международный Комитет Красного Креста), созданный Анри Дюнаном в 1863 г. в Женеве. Данная организация сыграла самую важную роль в развитии принципов и норм международного гуманитарного права, особенно следует отметить ее роль в попытке решения вопросов, касающихся ситуаций внутренних конфликтов.

Одним из юристов-международников этого периода являлся Ф.Ф. Мартенс, который на Гаагской конференции 1899 г. предложил применять для защиты воюющих и гражданского населения положение, согласно которому «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Эта формулировка прочно вошла в международное гуманитарное право как «оговорка Мартенса» [14, с. 452].

Юристы досоветской эпохи считали, что гражданская война – это вооруженная борьба отдельных партий внутри государства [18, с. 247].

Советская наука исследовала вопрос о гражданских войнах. Так, В.И. Ленин указывал, что «гражданская война есть наиболее острая форма классово-борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса». Гражданская война – это организованная вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны, наиболее острая форма классово-борьбы [19, с. 48].

Современные авторы считают, что гражданская война – это форма вооруженной борьбы между организованными группами, сражающимися за государственную власть, где одной стороной обычно являются силы, охраняющие существующий режим, а другой – партизанское движение, поддерживаемое частью населения и/или иностранным государством [20, с. 14].

Наряду с такой формой внутрисударственного вооруженного конфликта, как гражданская война, в доктрине международного права нередко можно встретить понятия «мятеж» и «восстание» [21, с. 34]. По мнению американского юриста Ч. Хайда, о мятеже речь идет, когда народ с оружием в руках восстает против законов или конкретных должностных лиц. Хайд также считает, что восстание – это мятеж более широких масштабов, когда происходят военные действия между законным правительством страны и отдельными частями или провинциями этой страны и восставшие пытаются установить свою власть, а также образовать собственное правительство.

Чилийский юрист Э. Монтеалегре считает целесообразным использовать иной понятийный аппарат и говорит о «вооруженном конфликте, не носящем международного характера», под которым понимается внутренняя ситуация коллективного использования силы. По его мнению, эта ситуация превосходит внутренние беспорядки, сталкивающиеся в ней стороны представлены вооруженными группами, не имеющими статуса воюющей стороны. Скорее, здесь идет речь о ситуации вооруженного столкновения противоборствующих сторон на территории суверенного государства, когда законная власть в силу различных причин в такой конфликт вмешаться не в состоянии [22, с. 100]. Такой подход представляется достаточно узким и, по мнению некоторых ученых, не подпадает под нормы, регулирующие внутренние вооруженные конфликты.

Гражданская война в России после революции 1917 г. и война в Испании продемонстрировали одновременно и возможность осуществлять деятельность по

оказанию помощи в условиях гражданской войны и ненадежный характер такой деятельности при отсутствии конвенционной основы. А главное, эти конфликты показали, что для предотвращения той череды зверств, которую неизбежно влечет за собой любая братоубийственная борьба, необходимо установить правовой режим, применимый к немеждународным вооруженным конфликтам. Такой и была одна из целей, поставленных перед собой Международным Комитетом Красного Креста с началом подготовительных работ, которые должны были привести к принятию Конвенций 1949 г. [23, с. 425]. Компромиссом принятия Женевских конвенций 1949 г. стало появление общей статьи 3, которая представляет собой «мини-конвенцию», применяемую ко всем ситуациям вооруженных конфликтов.

Многочисленные внутренние конфликты, произошедшие после 1949 г., убедительно показали, насколько полезна ст. 3, общая для всех четырех Женевских конвенций 1949 года. Ни одну статью этих международно-правовых актов не пришлось использовать так часто, ни одна не могла сравниться с ней по своей эффективности.

Однако на деле находящимся в конфликте сторонам почти никогда не удавалось прийти к соглашению о более широком применении конвенционных положений. Из-за этого ст. 3, которая должна была представлять собой лишь минимальные гарантии, своего рода «сетку безопасности» гуманитарной защиты, слишком часто рассматривалась в качестве вполне достаточной нормы. Поэтому нетрудно понять, почему с различных сторон раздавались голоса, требующие укрепить защиту жертв внутренних конфликтов, а для этого принять новые правила, которые дополнили бы положения ст. 3 [23, с. 438-439]. Эти требования воплотились в 1977 г., когда мировое сообщество решило принять II Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся регулирования вооруженных конфликтов немеждународного характера.

В заключение необходимо отметить, что мораль, которая требует уважения к

нормам міжнародного гуманітарного права, повинна бути вище моралі пераможця, то є військового прагматизма. Складність проблеми в тому, що ефективність бойових дій також має сенс в бойових «настановленнях». Так, Е. Морен писав про війну в Алжирі, що ефективність

спробувала бути, допомагала отримувати необхідні дані. Але спроби засуджуються з точки зору гуманізму і моралі. Треба надати бойовим діям таку моральну складову, яка не тільки зводиться до захисту держави, але має безпосереднє відношення до захисту справедливості і права.

Література:

1. Дяченко В.І. Міжнародне гуманітарне право : філософсько-правова доктрина регулювання збройних конфліктів / В. І. Дяченко, М. В. Дюрупа, П. В. Шумський. – К. : Сфера, 1999. – Ч. І. Історія становлення. – 1999. – 128 с.
2. Міжнародне публічне право / Під ред. Бякешева К. А. – М., 2007. – 779 с.
3. Міжнародне право / Під ред. Тиунова О. І. і Ігнатенка Г. В. – М., 2006. – 624 с.
4. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / Ж. Пикте ; [2-ое изд. исправленное]. – М.: МККК, 2001. – 110 с.
5. Ярмаки В. Определение понятия «международное гуманитарное право» и реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне / В. Ярмаки // Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
6. Green L. C. The contemporary law of armed conflict / L. C. Green – Manchester, 2006. – 291 p.
7. Буткевич О. В. Міжнародне право Стародавнього світу / О. В. Буткевич. – К.: Україна, 2004. – 864 с.
8. Fleck D. The Handbook of international humanitarian law / D. Fleck – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 770 p.
9. La Haye E. War crimes in internal armed conflicts / Eve la Haye – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 424 p.
10. Draper G.I.A.D. Humanitarian law and internal armed conflicts / G.I.A.D. Draper // Georgia Journal of International and Comparative Law. – 1983. – Vol. 13. – P. 253-277.
11. Гроций Г. О праве войны и мира / Гуго Гроций ; пер. с латинского А. Л. Саккетти. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
12. Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб ; [пер. с французского]. – М. : МККК, 2000. – 264 с.
13. Гассер Х. П. Міжнародне гуманітарне право. Введення / Х. П. Гассер. – М. : МККК, 1995. – 155 с.
14. Міжнародне право / [отв. ред. Колосов Ю. М. и Кривчиков Э. С. ; изд. 2-ое, перераб. и доп.]. – М. : Международные отношения, 2005. – 815 с.
15. Ваттель, Эммер де Право народов или принципы естественного права, применимые к поведению и делам нации и суверенов / Эммер де Ваттель ; [предисл. В. Н. Дурденевского]. – М. : Госюриздат, 1960. – 719 с.
16. Oeter S. Civil war, humanitarian law and the United Nations / S. Oeter // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 1997. – № 1. – P. 195-229.
17. Moir L. The historical development of the application of humanitarian law in non-international armed conflict to 1949 / Lindsay Moir // International and comparative law quarterly. – April 1998. – Vol. 47. – P. 337-361.
18. Ривье А. Учебник международного права / А. Ривье ; [пер. П. Казанского ; под ред. Л. Кармаровского]. – М. : Тип. И. Л. Мыльшева, 1893. – 345 с.
19. Арцибасов Н. И. Вооруженный конфликт : право, политика, дипломатия / Н. И. Арцибасов, С.А. Егоров. – М. : Международные отношения, 1989. – 248 с.
20. Матевосян А. Р. Защита прав человека при немеждународных вооруженных конфликтах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00. 06 «международное право» / А. Р. Матевосян. – Ереван, 2006. – 26 с.
21. Смирнов М. Г. Защита жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера : международно-правовое регулирование / М. Г. Смирнов. – М. : Изд. Института государства и права РАН, 2006. – 180 с.
22. Алёшин В. В. Особенности вооруженного конфликта немеждународного характера (теоретико-правовой анализ) / В. В. Алёшин // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 100-104.
23. Бюньон Ф. Міжнародний Комітет Червоного Хреста і захист жертв війни / Ф. Бюньон [пер. с фр.]. – МККК, 2005. – 1548 с.